

Сергей Тютюнник

ВОСТОК НЕ ЗАПАД

1. СЕВЕРОКОРЕЙСКИЕ СТРАСТИ

МУСОРНЫЕ...

Когда шла регистрация на авиарейс «Москва – Владивосток», я ещё не знал, что окажусь в Северной Корее. Но с её жителями уже столкнулся. В салоне самолёта впереди меня, справа и сзади сплошь сидели граждане КНДР, все в костюмах тёмных расцветок (очень похожих фасонов) со значками на лацканах пиджаков. У большинства значки были в виде красного знамени с золотистыми медальончиками на «полотнище» – портреты Ким Ир Сена и Ким Чен Ира.

Корейцев было человек сорок – немало для салона самолёта, хоть и очень вместительного. Только левый от меня ряд занимали русские. И это соседство вскоре показало разницу между «нашими» и корейцами. Случилось это после раздачи еды и напитков.

Уплетая свою порцию, я косил глазом на соседней справа. Оба корейца съели авиапаёк быстро и полностью. Затем аккуратно, компактно уложили пластиковую посуду так, что упаковка приобрела девственный вид, будто её никто и не трогал.

Когда бортпроводницы собрали тару, мой сосед поднял столик и... О, ужас! Обнаружил на полу между своих ног беленькую бумажку-хвостик от упаковки сахара. Он тут же лихорадочно поднял его и, дождавшись фланирующую по проходу стюардессу, передал ей эту «кучу мусора» – бумажечку

Здесь два путешествия в диаметрально противоположные стороны планеты и в совершенно разные миры. Тем не менее, у России много общего и с одним – итальянской «старой Европой», и с другим – северо-корейской «Страной утренней свежести». Но главное – это крушение давно устоявшихся стереотипов в понимании и восприятии обоих соседних с нами миров.

площадью 3х5 миллиметров. И только после этого успокоился, снял туфли и вытянул ноги.

Наблюдая за соседом, я пропустил то, что происходило на «русском фланге». А там, видимо, произошло маленькое ЧП – уронили пластинку лимона. Он лежал как раз под ногами девушки. Разувшись, она поставила ножки в беленьких носочках на подставку под креслом впередисидящего соседа и тыкала пальцем в планшет – играла во что-то.

Ну, думаю, сейчас она опустит свои сахарные ножки и вляется в лимон.

– Девушка! – обращаюсь к соседке. – У вас лимон, – и показываю рукой.

Она наклонила голову, качнув тёмной волной волос, глянула вниз и равнодушно ответила:

– Это не мой. Я не заказывала чай с лимоном, – и продолжила тыкать пальчиком в планшет.

Я всё равно переживал за судьбу лимона и девственность беленьких девичьих носочков. Но недолго. Спустя полчаса лимон подобрала бдительная бортпроводница.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ...

Северная Корея давно меня манила. И не потому, что в масс-медиа не сходила с ленты новостей. То ядерные испытания затеет, то ракетами пуляет всё дальше и дальше, то её лидер с президентом США схватится в словесной перепалке...

Во-первых, я чувствовал: всё, что говорят и пишут о КНДР, – слишком похоже на враньё. Приблизительно так Запад пишет и говорит о России. И точно так же на Западе и часто в России говорят и пишут о Советском Союзе. Какая-то беззастенчивая брехня. Как будто никто в СССР не жил и у всех память отшибло. То есть захотелось увидеть собственными глазами – что да как в Северной Корее.

Во-вторых, я коллекционирую традиционную современную живопись (холст, масло). На антиквариат денег нет. И поскольку я объездил более трёх десятков стран, то давно понял: живопись есть только там, где был социализм. На Западе живописи нет давно. Там остался один Джек Виттриано. Восточная Европа ещё трепыхается: например, у поляков хорошие сюрреалисты. А в России с её детским восторженным

подражанием Западу скоро тоже добьют искусство «живописать» картины.

Для иллюстрации своего тезиса приведу пример. Дело было в Мексике. Страна Сикейроса, Фриды Кало и т. д. Широкая публика их знает. Остальных только немногочисленные знатоки.

Так вот. Ничего я в этой Мексике не нашёл достойного внимания, кроме полотен Димитроса Спироса – грека родом из Ташкента! Оказалось, его родители бежали в СССР от «хунты чёрных полковников». Там его наши и научили рисовать. Теперь он в Мексике, где конкурентов не имеет. Картины так себе, но хоть уровень профессиональный. Я взял на память парочку его работ. При этом торговался, как цыган.

Artista mucho trabajo cinco dias, cinco dias! – возмущался продавец в сувенирном магазине тем, что я требовал большой скидки, а художник, мол, тяжело работал пять дней, пять дней! (Таков перевод фразы).

Я выцыганил серьёзную уступку, хотя в 1000 долларов не уместился.

Так вот, однажды по телевизору мелькнуло сообщение, что в Москве открылась выставка художников из КНДР. Кажется, это было в ту пору, когда Ким Чен Ир ехал по России на поезде. В общем, телевизор показал несколько картин. У меня сердце подскочило от восторга. «Потрясающе хорошо». Это потрясение осталось в душе надолго и не рассасывалось.

Наконец, в-третьих, вдохновлял и вызывал зависть пример друзей и знакомых. К моему приятелю-журналисту из Владивостока, как выяснилось, периодически заходит в гости тамошний консул КНДР. Всегда с подарками – книги о Корее, мемуары Ким Ир Сена... Я заглянул в одну из книг. Боялся, что натолкнусь на смешной наив. Но ничего подобного. Всё было сказано точно: и про американскую брехню да жадность, и про интересы человека труда... А недавно, отдыхая в санатории на Дальнем Востоке, я оказался соседом по комнате человека, который давно «пробивал» себе поездку в Северную Корею. Он регулярно рассказывал, какие шаги предпринимал для этого, какие письма писал, куда.... В общем, однажды, сильно обрадованный, объявил:

– Сегодня был на собеседовании в консульстве КНДР. Мне «дали добро»...

Змея зависти зашевелилась в моей груди.

ФИНАНСОВЫЕ...

Прилетев во Владивосток, я стал обзванивать и обходить турагентства с единственным вопросом: «В Северную Корею народ возите?». И везде отвечали: «Нет».

– Почему? – спрашиваю.

– Мало желающих. Да и дорого...

Но не это главное. В нескольких турагентствах сотрудники удивлялись:

– Что вы там забыли, в этой КНДР? Хотите посмотреть, как вдоль дорог идут с мотыгами измученные работой люди? Да бесконечные заборы с колючей проволокой и вооружённые солдаты...

– Мне даже это интересно.

– Странно, – пожимали плечами владивостокские «антиоталитарные» тётки из турагентств.

В конце концов, через интернет моя подруга в Ростове-на-Дону (у меня на базе отдыха, в лесу под Владивостоком, интернета не было) нашла два турагентства, которые занимались Северной Кореей. Как выяснилось на месте, одно из двух только планировало эту деятельность в далёкой перспективе, а другое (единственное на весь дальневосточный город), с чарующим названием «Каравелла», уже сформировало группу, которая улетала в КНДР на неделю. Однако график был такой, что я мог присоединиться к ней, но только на четыре дня. «Ну, хоть так», – подумал я и согласился.

Занималась Северной Кореей красивая женщина, похожая на Софи Лорен. Каждый раз, когда я видел эту «каравеллу», – вспоминал фильм «Брак по-итальянски». Грудью эта турагент, наверное, могла бы разбивать айсберги – красоток с такими природными данными в старину ваяли и крепили на носу корабля.

Но огорошила она меня не внешними достоинствами, а сообщением о том, что Северная Корея не признаёт доллары США. Ехать туда нужно только с «еврами» или с китайскими юанями. Я опять попал впросак.

Дело в том, что в прошлом году я ездил в Китай. И турагенты в тот раз пугали: «Китайцы не признают евро. Они их воспринимают как цветные фантики. Там котируются только доллары и рубли!». И конечно, в этот раз, отправляясь на Дальний

Восток, я даже не думал брать из дому евро. А тут даже стоимость путёвки рассчитана была в евро, а не в рублях.

Это был такой же удар по мозгам, как в пору моей первой поездки на Кубу, лет пятнадцать тому назад. Тогда, рассуждая логически, я думал, что в Латинской Америке ценятся только доллары. Кому, дескать, там интересны евро? Я знал, что в некоторых тамошних странах штатовские деньги (например, в Сальвадоре, Эквадоре, Панаме) даже являются национальной валютой. Однако я не учёл лютый антиамериканизм кубинцев, что отразилось на финансовой политике. За обмен долларов на peso convertible (конвертируемые песо), которые имеют хождение только внутри Кубы – специально для туристов, – банки Острова свободы брали комиссию 20%. А вот за обмен евро – всего 8%. Разница существенная. Если человек приехал на Кубу, то с тысячи баксов – 200 следовало подарить гаванскому «центробанку».

До сих пор вспоминаю о финансовых потерях. В тот раз я купил на Кубе пять прекрасных «соцреаловских» картин. А мог бы ещё больше.

В Северной Корее антиамериканизм не менее лютый. И тоже с пренебрежением к доллару. Но, в отличие от Кубы, во Владивостоке у меня была возможность поменять доллары на евро. Хотя опять с потерями (правда, небольшими). В поисках хорошего обменного курса я рыскал по незнакомому городу, как Паниковский в поисках гуся.

Когда все финансовые проблемы разрешились, выяснилось, что женщина-«каравелла» с нами в КНДР «не плывёт» – у корейцев свои сопровождающие. В аэропорту перед вылетом в Пхеньян я в последний раз увидел турагента, похожую на Софи Лорен. Она попросила доплатить за самолёт. Курс рубля по отношению к евро упал...

АЭРОДРОМНЫЕ...

Из русских на рейс зарегистрировалось только шесть человек – вся наша тургруппа, включая меня. Мы были злые и усталые. Северо-корейская авиакомпания, как выяснилось уже в аэропорту, перенесла вылет с 12.00 на 20.00. И я восемь часов толкался по аэровокзалу. А вместе со мной и пара ребят из группы. Остальных они предупредили, и те не приехали.

Страдали мы, как оказалось, не из-за корейцев. Из Пхеньяна настойчиво звонили в офис «Каравеллы», но там не брали трубку – выходной...

Моих компаньонов буквально колотило. Они накануне «гудели» дня три. То ли встречу одноклассников отмечали, то ли однокашников по военной «бурсе» (двое точно были бывшими вояками). В общем, мужики страдали.

Когда уже в полёте красивые длинноногие корейские стюардессы раздали нам въездные анкеты для заполнения, то ребята помогали друг другу их заполнять.

– Я ручку не могу удержать. Трясёт. Помоги, – обратился один из них к другому.

Все пятеро давно знакомы и дружны. Я был чужаком в этой «великолепной пятерке» (или «вратарём», как в песне про хоккеистов).

После Кореи они планировали двинуть на Украину (это было до начала военной спецоперации).

– Как? – удивился я. – Там же нотариально заверенное приглашение должно быть. Тем более, вы бывшие офицеры и заметно моложе 60 лет.

Им действительно было от 40 до 50 лет от роду.

– Делается очень просто, – ответил высокий мужик. – Покупаешь путёвку в Трускавец (по интернету) и пересекаешь границу Украины без всяких приглашений...

– Ну, вы экстремалы! – выдохнул я.

Стюардессы тонкими пальчиками без всякого маникюра раздали нам цветные журналы «Корея» на русском языке. В одной из заметок о встрече лидеров Северной и Южной Кореи я прочитал, что они совместно посадили дерево. Подробно описывалось, с какого места брали воду и землю (у каждого руководителя свой «ингредиент»). Было сказано, что Ким Чен Ын говорил со своим южным коллегой «мягким тёплым голосом». Я попытался прочувствовать... «Азия-с, господа!».

Нам в бизнес-классе старенького советского ТУ-154 дали журналы, а в основной салон, гражданам КНДР, – чёрно-белые газеты на корейском, естественно, языке. Кстати, в самолёте все пассажиры были мужчины. Ни одной (пardon!) бабы. Может быть, именно поэтому бортпроводницы казались так хороши?.. Хотя вон у знаменитого американского кинорежиссера Оливера Стоуна жена корейка («южная», правда). А режиссёры обычно знают толк в женской красоте. Но это

правило не касается Никиты Михалкова. В его фильмах женщины поразительно не соответствуют замыслу автора и восторга у зрителей не вызывают (а должны).

В этом смысле мои прошлогодние впечатления о Китае – удручающие. Ни одной приличной особы. Хотя... Я был на северо-востоке страны, а на юге, говорят знатоки, народ другого качества. Ну, ничего. Надеюсь, ещё увижу и сравню. А пока 1 : 0 в пользу Северной Кореи по слабому полу.

Забегая вперёд, признаюсь, что это ощущение – повсеместной, резко отличающейся от китайнок красоты жительниц «страны утренней свежести» – не оставляло меня до конца поездки в КНДР.

...Аэропорт в Пхеньяне был небольшой, но чистенький и симпатичный. На полу из разноцветных камней был выложен огромный азиатский дракон. Пограничники и таможенники заставили нас записать в анкеты все гаджеты – телефоны, планшеты, фотоаппараты...

Нас встречали две женщины. Одна постарше, лет 45–50 (из-за очень сложного имени она предложила называть её Ким) и молоденькая девушка лет 22. Из-за того, что она Цой, я стал называть её Анитой, по аналогии с нашей певицей. В руках у них были мобильные телефоны. И это первый технический сюрприз, который меня удивил. Потому что потом выяснилось: телефоны эти производят в КНДР, а называются они «Пхеньян». В общем, обычный смартфон, которых у нас пруд пруди. Однако могучая Россия своих смартфонов, кажется, не делает. А вот крохотная «отсталая» (как многие думают) Северная Корея – делает. КНДР – Россия 1:0. Опять корейцы в моих глазах набирали очки.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ...

Второй «гол в наши ворота» я прочувствовал спустя время, так сказать, «с оттягом».

Когда мы отъехали от Пхеньянского аэропорта на китайском микроавтобусе, дорога к отелю показалась нам темноватой. Не то чтобы совсем не было освещения, просто оно было какое-то тусклое. «Электроэнергии в стране не хватает, вот и экономят», – подумалось. Но на самом деле в городе полно солнечных батарей. И накопленную за день энергию они отдавали скупно.

– Наша страна сама производит солнечные батареи. Но, во-первых, в недостаточном количестве. Во-вторых, их производство обходится дороже, чем покупка импортных, несмотря на качество, – объяснила старший гид по фамилии Ким. – Однако если мы прекратим своё производство, то импортёры повысят цены. То на то и выйдет... Но ведь ещё существует проблема санкций. Сегодня нам солнечные батареи продают, а завтра, допустим, импортёр передумает торговать с КНДР и подчинится американцам. Что тогда?..

В общем, логика в её словах и, наверное, в действиях руководства страны вполне объяснима. В любом случае, КНДРовские батареи или китайские, ярко они светят в чернильных корейских ночах или тускло – всё равно у нас, в Ростове-на-Дону, солнечных батарей на квартирных балконах я не видел. А в Пхеньяне – видел. Ну, и кто из нас технически более продвинутый?

А теперь про метро. То, что оно пронзительно красиво, – заслуживает отдельного разговора. Однако удивило другое. Усевшись на свободные места, горожане сразу достают свои смартфоны фирмы «Пхеньян» и начинают что-то листать, читать, смотреть и т. п. Это производит эффект удара по мозгам для всякого человека, нафаршированного так называемой либеральной российской (она же европейско-американская) пропагандой.

Мы, шестеро полных сил мужиков из России, конечно, стали заигрывать с симпатичной второй сопровождающей – Цой (которую я стал звать то Анитой, то Анютой). «А вы замужем?», «А жених есть?», «А где же вы знакомитесь?» и т. д. Судя по её объяснениям, внутриКНДРовский «интернет» позволяет знакомиться и общаться, хотя специального сайта, вроде тех, что у нас, у них нет. В общем, всё довольно целомудренно.

И наконец, строительство. Гостиница, в которой нас поселили, называлась «Бараний рог» – по названию острова, где она располагалась. 43 этажа плюс вращающийся ресторан на крыше. Я жил на 34-м. Вид оттуда открывался восхитительный. Особенно ночью. Город в огнях (и почему мне показалось, что дорога из аэропорта проходила в полу-потёмках?), река сверкает внизу...

Уже после, разъезжая по городу и любясь роскошными высотками в новых районах (хотя и в «старых» районах не было ничего старого), мы поинтересовались, кто в них живёт.

– Учёные, преподаватели, творческая интеллигенция... Квартиры там в среднем от 70 до 120 метров, – пояснила «старшая группы» Ким.

Круглые высотки стояли строем, как огромные вафельные трубочки, только раскрашенные. Этажей 25–30.

– В среднем такой дом возводят за 8–10 месяцев, – стала рассказывать Ким. – Но в этом конкретном случае строительство данного микрорайона затянулось. У нас случилось наводнение на севере страны, и многих строителей бросили на ликвидацию последствий стихии. Так что именно эти дома строили почти год.

– Несколько домов, или весь микрорайон? – уточнили мои компаньоны.

– Весь микрорайон, – кивнула старшая группы.

Мы переглянулись. Такие темпы не снились ни моим землякам-ростовчанам, ни красноярцам (а большая часть мужиков была с берегов Енисея).

Особенно била по глазам конусообразная гостиница в 105 этажей. Она ещё не заселена, поскольку идут внутренние работы. Грандиозное сооружение своим абрисом напоминало одновременно и сталинские высотки в Москве, и пирамиду Хеопса под Каиром. Может быть, лет через 30 нечто подобное построят и в Ростове. Хотя... вряд ли наши научатся. В России нет идей Чучхе, есть идея быстрого обогащения, невзирая на безопасность и красоту. В итоге – хлипкое уродство с трещинами от крыши до фундамента вместо красивых и надёжных домов.

У нас в Ростове-на-Дону, напротив моего сталинского дома, через улицу, такой соорудили лет пятнадцать назад. И все, включая жильцов, молчат. Жалобы, претензии, разборки шли «под одеялом» – чтоб цены на квартиры при продаже не рухнули. У меня дочка архитектор (здания она строит редко, в основном занимается дизайном), от неё я и узнал о треснувшей по всей вертикали престижной высотке.

СТРАСТИ ПО ДРЕСС-КОДУ

Ранним утром выехали на экскурсию. Запланировано было посещение музея подарков великим вождям КНДР, буддийского монастыря и прогулка по горам, где красавец-водопад.

Когда ехали по улицам Пхеньяна, обратили внимание на молодых людей, которые в районе крупных площадей вели себя, как группа поддержки в перерывах баскетбольных матчей NBA – ритмично, под музыку они двигались и орудовали где флажками, а где бумажными букетами. Одеты были в одном стиле. Например, белые рубашки, синие брюки и юбки.

– Это они вдохновляют людей на хорошую работу, создают настроение, – пояснила Ким. – с 8 до 9 утра, каждый день.

– А что за молодые ребята тоже в одинаковой одежде, с узенькими красными галстуками? – спрашиваю.

– Это студенты. У них форма одежды такая. Для всех одинаковая...

За городом пошли почти сплошные рисовые чеки (поля) и посёлки между ними. Не сёла, а именно посёлочки. Я сразу вспомнил идею советского лидера Никиты Хрущёва о ликвидации разрыва между городом и деревней (эдакая «смычка»). Он мечтал превратить сёла в агрогорода. В КНДР, видимо, идею реализовали. Дома стояли в два, три и четыре этажа. Небольшие, но симпатичные.

Наш микроавтобус потряхивало – дорога была не идеальной. Попутных и встречных машин мало. Постепенно втянулись в горы. Ехали вдоль реки. Всё русло завалено разнокалиберными валунами. За одним из поворотов открылся вид на белоснежную конусообразную гостиницу в ущелье. Очень красиво.

Как только мы выгрузились из автобуса на стоянке возле музея, мимо нас прошагала смена караульных – три девушки в военной форме тёмно-оливкового цвета. Девушки были «красивы с лица», как и большинство встреченных нами корейнок. Фуражки их напоминали пролетарские советские кепки, но будто надутые воздухом изнутри, «с подскоком» над околышем.

Позже, внутри музея, мы видели девушек-часовых на постах в нескольких точках гигантского, циклопического здания музея. Хорошенькие лица солдаток ничего не выражали, отчетливо казались не то фарфоровыми, не то восковыми (в зависимости от освещения и персоны).

Сопровождала нашу группу экскурсовод с неплохим знанием русского. Одета была в национальный костюм. Это значит – очень высокая талия, пояс типа банта и длинная юбка конусом. Два цвета: выше талии – розовый, а пояс и юбка –

синий электрик. Ткань немного «сверкучая», как выражалась героиня в каком-то кино.

Позже выяснилось, что в национальных одеждах работают все экскурсоводы во всех музеях КНДР. В них же выступают артисты, вне зависимости от жанра. Так выглядят и телеведущие. Но главное – все девушки в Северной Корее на свадьбу надевают только национальный костюм. Мы в одном из парков Пхеньяна видели две свадьбы.

Жаль, что русские девушки пренебрегают своим национальным костюмом. С моей точки зрения, наш кокошник – лучше всякой фаты, а расшитая рубаша (или сорочка) с сарафаном дают такой простор цветовой фантазии, что свадьба сразу превращается в красочный карнавал. А то платья наших невест бледных похоронных расцветок (кстати, позаимствованные у презирающих нас англосаксов) мало того, что наводят уныние на мужчин, так ещё и непригодны для дальнейшего использования. Подвенечные наряды российских невест одноразовы, как презерватив (пardon за резкость!). Годами потом девушки пытаются их продать хоть за полцены. Но у большинства они так и пылятся в шкафах. А в русском национальном костюме можно ходить не только в ЗАГС. Кокошник снял и рули на прогулку в парк!

Слава богу, хоть во время чемпионата мира по футболу в России (2018 г.) многие девушки стали носить сарафаны и кокошники. Понятно, что делали они это ради обозначения национального кода, ради узнаваемости. Но как же это было красиво у большинства из них!

Однако для нашей тургруппы корейская одёжная фишка – это, конечно, мужские «пинжаки» (назову их так) с короткими рукавами (до локтя) из лёгкой ткани. Под них не надевалась рубашка. До того эти «пинжаки» нам всем, шестерым россиянам, понравились, что Володя даже решил заказать себе такой. Но выяснилось, что на пошив уйдёт не меньше недели, а значит, сделать не успеют. А купить готовый почти невозможно, потому что Володька – мужик крупный (впрочем, как и все мы), а корейцы маленькие, «русских» размеров одежды у них нет.

Все это объяснила нам Ким и тем самым погасила наши одёжные страсти. А жаль. Корейский «пинжак» – самое то для жаркого Ростова-на-Дону. В нём хорошо было бы

на официальных мероприятиях, где требуется чиновничий дресс-код. И строго, и потом от жары не обливаешься.

ИДОЛОПОКЛОННЫЕ...

Здание музея подарков вождям было выстроено в национальном стиле – с орнаментами, черепичная крыша в несколько этажей с загибами по углам. Позже выяснилось, что так выглядит лишь небольшая фасадная часть музея. Это верхушка айсберга. Основная его часть – в залах, которые вырублены в скале. Просторы там фантастические. В один из моментов, двигаясь по бесконечным мраморным коридорам, я стал считать шаги: от поворота до центрального холла получилось 250 шагов, ещё 20 шагов – ширина самого холла, а за ним – такой же симметрично расположенный коридор длиной опять же 250 шагов. Итого ширина доступной для туристов части музея (только одного из этажей) – 520 шагов. Учитывая мой рост и ширину шага – почти полкилометра. Не забудьте, что всё это вырублено глубоко в скале и оборудовано с царской роскошью: мрамор на полу, ценные породы дерева громадных двустворчатых дверей, латунные ручки с завитушками...

Помню, остолбенел перед вертикального абриса люстрой из хрусталя ещё с чем-то дорогим и сверкающим. Она висела на глубину двух этажей. А там потолки в музее, как в большом православном храме...

– Сколько весит? – спрашиваю у экскурсовода.

– Около двух тонн, – ответила та.

«Что же там за крепление над потолком, которое держит такую махину?», – подумалось мне.

Экспонатов в музее, наверное, сотни тысяч. Все рассмотреть было невозможно и в силу гигантского их количества, и из-за толп китайских туристов. Многие из них неприлично откровенно зевали. Видимо, у себя чего-то подобного насмотрелись, имея в виду культ Мао Цзэдуна.

Мы посетили три главных зала. В первом стояла восковая фигура Ким Ир Сена – «солнца нации». Экскурсовод и наши сопровождающие Ким и Анюта Цой поклонились в пояс. Мы из уважения склонили головы.

Кстати, перед этим они нас предупредили, что в зале разговаривать нельзя. Надо прочувствовать торжественность

момента. Я хотел прочувствовать подольше, но сзади уже подпирала китайская группа.

Во втором зале стоял восковой Ким Чен Ир (это тот, что на поезде через всю Россию проехал). Я к нему отношусь с симпатией, потому что после своей поездки по нашей Святой Руси он построил в Пхеньяне православную церковь. Конечно, перед его ликом я склонил голову. А наши три кореянки поклонились вождю № 2 в пояс.

В третьем зале находилась мать Ким Чен Ира – боевая подруга Ким Ир Сена – Ким Чен Сук. В солдатской форме, красивых чёрненьких сапожках, с кобурой на поясе. Однажды в бою она закрыла грудь вождя и тем самым спасла для корейского народа «солнце нации». Мы склонились и перед ней.

Кстати, никто из нас, туристов, позже не хихикал и не злословил по поводу чинопочитания наших корейских сопровождающих и обожествления семейного клана вождей КНДР. Понимали: для восточного менталитета это естественно. Но самое главное – у них поклонение «своим» вождям, а не чужим, как бывает у нас.

Я до сих пор не могу избавиться от чувства глубокого омерзения, которое испытал, наблюдая за прямой трансляцией и комментариями по одному из российских телеканалов (кажется, «Пятница»). Много часов подряд (я, конечно, всё время не смотрел, это было невыносимо) наше отечественное TV демонстрировало приготовление к церемонии и само венчание младшего внука английской королевы Гарри на малопривлекательной разведённой мулатке из США. Кстати, и сам принц, надо признать, не красавец – преждевременно облысевший, длинноносый рыжий тип, прославившийся симпатией к немецким фашистам, зиговавший на вечеринках в пьяном угаре... В общем, ничем иным он не отличился, кроме нелепых скандальчиков.

И вот российское TV, кажется, часов пять подряд взахлёб рассказывало россиянам, на какой роскошной машине приехали очередные гости, что на ком было надето, каковы цвета и длина нарядов, что за цветы в руках, какие шляпки, шарфы, кто где встал, кто за кем прибыл...

Комментировали происходящее двое молодых людей. Взахлёб. Ни одного критического взгляда и замечания, ни тени сомнения в грандиозности происходящего, ни иронии, которая

так хороша бывает в подобных случаях нарочитого пафоса и пустопорожней торжественности без особого повода...

А ведь по сути речь шла о свадьбе двух несимпатичных и не очень молодых людей, которые в своей жизни ничего толкового не совершили, кроме семейно-бытовых мелких гадостей.

Мало того, восхищение наших телевизионщиков вызывали люди, которые представляют страны, где не только всё руководство и элита, но даже подавляющая часть народов этих держав глубоко презирают и даже ненавидят и Россию, и русских, и даже само русское телевидение (полное обожания этих англосаксов). Я испытал от прямого репортажа с английской свадьбы такое личное и национальное унижение, что чувство гадливости к телеканалу не могу подавить до сих пор. Лучшее всего в подобной ситуации выразился персонаж Фрунзика Мкртчяна из фильма «Мимино»: «Такую личную неприязнь испытываю... кушать не могу!»

В общем, поклоны корейнок своим вождям и, в частности, матери Ким Чен Ира с её кобурой на поясе и солдатскими сапожками – высочайшее личное и национальное достоинство по сравнению с российским лизоблюдством и коленопреклонением по отношению к семейке Виндзоров.

К слову, такое же почтение к своему королю в Таиланде. Там даже карается законом, если кто-то повернулся спиной к его портрету! Нечто подобное и в ряде других азиатских стран, совершенно не знакомых с социализмом... А нас всё культом Сталина попрекают.

И, наконец, главная фишка музея подарков вождям КНДР (конечно, на мой мужицкий вкус) – личный самолёт Ким Ир Сена, два личных железнодорожных вагона и три автомобиля представительского класса а-ля 1950-е. Всё это размещалось в трёх отдельных залах. Ту-114 – в гигантском куполообразном холле. Полусфера под цвет неба, идеально ровный пол, с нарисованными стрелками для движения туристов. В салон зайти не разрешили, только взглянуть в распахнутые двери с трапа.

Два железнодорожных вагона не позволили даже пальцем тронуть. Но, в общем, многое внутри было видно – свет горел во всех купе. Один вагон «Солнцу корейского народа» подарил Сталин, второй – Мао Дзедун. «Наш» вагон, понятно, был круче. Сталин при всём своём монашеском аскетизме

в состязании на скромность проиграл бедному Мао. В советском вагоне стулья и лежаки были с бахромой, бархатные. У китайцев что-то невзрачное.

И наконец, автомобили – чёрные «ЗИМы» (завод имени Молотова). Один Ким Ир Сену подарил Сталин, другой – Булганин (после смерти советского вождя недолго возглавлявший правительство СССР), третий презентовал лидеру КНДР уже полновластный хозяин Кремля Никита Хрущёв.

Никиту, понятно, чуть позже Ким Ир Сен назовёт ревизионистом, вслед за Мао, который не простил Москве развенчания «культы личности» Сталина. Правда, подарки от советских вождей оставил. В том числе и нам на загляденье. Ну, и правильно сделал. И нам, дуракам, подарки от вождей следовало бы людям показывать, как это и было при жизни Сталина.

«ДЕРЕВЯННЫЕ»...

Речь о деревьях. И начали разговор мы, то есть я.

– Вы знаете, у нас в Ростове зелени мало. А среди немногочисленных деревьев заметную долю составляют тополя. Но от них пух!

– У нас тоже так было одно время. Этот пух доставлял массу неудобств, – подхватила тему «старшая» Ким. – Тогда руководство приняло решение вырубить все тополя в Пхеньяне и высадить несколько других пород. И что же? Со временем, когда деревья пошли в рост, обнаружилось, что их листья с удовольствием едят гусеницы. Гусениц было так много, что они людям на головы и за шиворот сыпались. Уже не говоря о том, что деревья быстро «лысели». И опять было принято решение: вырубить любимые гусеницами деревья и высадить другие породы...

Мы, туристы, не очень поняли, что за древесные породы были выбраны. Но то, что мы видели в Пхеньяне и других городах, радовало глаз. Как писал Андрей Платонов (писатель, умевший жонглировать словами) «деревянные растения» КНДР делали город зелёным и красивым. Ни пуха тополиного, как у нас в России на юге, ни гусениц за шиворотом. Но главное, что вызывало уважение – многолетний терпеливый поиск властями именно такого решения «деревянной проблемы», чтобы зелень радовала людей, а не вызывала раздражение.

Но окончательно нас, русских, добибли наблюдаемые нами леса и перелески вдоль дороги с одинакового роста деревьями. У всех этих деревьев (лет 15) на стволах, на уровне человеческой груди, виднелись белые ленты, словно эротичные подвязки на женской ноге.

– Что это? – спросил я у наших гидов.

– Это ленточки с именами и фамилиями «ответственных», кто и когда дерево посадил, как ухаживает за ним, – ответила Ким.

Мы, туристы, переглянулись, «расширив» глаза.

– У нас был в прошлом энергетический кризис, когда империалисты во главе с США устроили блокаду. И многие леса и деревья погибли – мы всё вырубали на топливо. Но наш «мудрый руководитель» Ким Чен Ир, это было при нём, дал указание: всем взяться за восстановление лесных насаждений. И вот результат. Кто-то посадил одно дерево, кто-то два, а кто и побольше. И на каждом лента с данными «ответственного». Людям приятно, что именно их руками выращен новый лес...

Мы долго ехали молча и «переваривали» увиденное и сказанное Ким. Я тут же представил наши лесные пожарища и безжалостную рубку русской тайги китайцами...

Однако полному восхищению экологическим трудолюбием корейцев мешало одно обстоятельство, которое постоянно нас мучило, а спросить и избавиться от терзаний мы стеснялись. Дело в том, что везде, где бы мы ни бывали, изумлялись красотой подстриженных в виде зверюшек (и других символов) городских кустов и ровнехоньких газонов. И почти на всех клумбах сидели женщины с мешочками и что-то пропалывали, бросая зелень в свои котомки. А в России большинство из нас начитались в прессе и интернете всякой дряни о том, что это от голода такая прополка: мол, корейцы уже траву едят от безысходности.

В конце концов, я не выдержал и спросил:

– А чем занимаются эти женщины на газонах?

– Сорняки убирают. А те, которые разбираются, целебные лекарственные травы собирают, – ответила Ким.

На лицах женщин, выщипывающих траву, были медицинские маски светло-голубого цвета, как у нас в России. На каждой клумбе и газоне работала только одна. Видимо, по двое и больше – не собираться! Хотя, кто его знает? Чужая страна – потёмки.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ...

К слову, про англосаксов. Привожу слова «старшей» Ким:

– Вот мы хотим объединиться с Южной Кореей. Это наша главная цель. Но как можно всерьёз говорить об объединении с лидерами из Сеула, если там по сути правят американцы. Как пришли в 1950 году, так и остались, не уходят, военных баз понаставили. Вот в КНДР же нет чужих военных баз. Ну, и кто из нас более свободный и независимый?

«Действительно», – задумались мы, поправляя на себе футболки с силуэтом единой Кореи. Таких футболок множество в каждом сувенирном магазине Пхеньяна.

– Кстати, у нас не принято говорить «Северная Корея», – подчеркнула Ким. – Или Корея, или КНДР.

«Восток – дело тонкое», – прокомментировал кто-то из наших сибиряков.

То, что «Корея едина» – фишка местной идеологии, мы заметили ещё во время визита на праздник в одну из школ Пхеньяна. Там было много всяких спортивных и околоспортивных конкурсов. В том числе такой: на удалении поставили две магнитные доски размером метр на полтора, с «контурной» картой единой Кореи, а посередине между линией старта и доской – столик с горкой разноцветных фрагментов в форме корейских провинций. Две команды на скорость должны были быстро и чётко сложить этот административно-политический «пазл», прилепив магнитные «регионы» именно туда, куда надо – без разделения на «север» и «юг». Я пожалел, что подобных конкурсов нет в наших школах (а может, и ВУЗах). Родину бы лучше знали. Хотя... Пока наши неучи от гаджетов оторвутся, пока сложат карту из 85 регионов, семестр закончится!

Что касается детей в КНДР, то, как и во всех странах при социализме, дети считались и считаются высшей ценностью. Школьный праздник, который мы наблюдали (в тот день как раз была какая-то дата то ли местной «пионерии», то ли «комсомолии»), порадовал искренним весельем, спортивными страстями и множеством всяких мелочей, которые напрочь разрушили наши стереотипы, сформированные российско-англосакскими страшилками в прессе.

Например, бросилось в глаза обилие полненько-толстеньких мальчиков и девочек, которые привлекали внимание, потому что тормозили свои команды в состязаниях. Никакой

«измождённой голодом и непосильным трудом» детворы мы в Корее так и не увидели. Мы, кстати, были в нескольких школах, а кроме того, высматривали «замаскированные недостатки» на улицах и дорогах. Ничего не высмотрели.

Но наиболее сильное впечатление на меня произвели ролики. Вернее, то, что на них гоняли не только дети, но и учителя. Наперегонки. Дети были проворнее. «Учительки» порой вызывали смех. На левом фланге школьной площадки смеялись мы – русские, на правом фланге какие-то «немецко-французские чехи».

Кстати, моя дочь в своё время училась в двух ростовских школах. Там негде было гонять на роликах, никто и не гонял. А здесь была роскошная спортивная площадка внутри П-образной школы. Квадрат замыкала железная решётка невысокой (по грудь) оградой. К ней прилепились родители соревнующейся детворы. Переживали они тихо, сдержанно, чтоб не мешать.

Это мы, туристы, скалились и гоготали, как гуси. Особенно, когда нас вовлекли в игру, связали ноги в связку по четыре участника и заставили играть в футбол вот так – квадратами со спутанными ногами. Я пока прыгал, наверно, килограмм лишнего веса скинул. Корейская счастливая детвора за животы со смеху хваталась.

– Если в семье трое детей, – разъясняла нам Ким, – такая семья считается многодетной, и государство оказывает ей существенную материальную помощь.

Мы это и так знали – в журнале «Корея» вычитали.

АНТИАМЕРИКАНСКИЕ...

В музее победы в корейской войне (в Корее она называется «Отечественная освободительная война») нас встретила очень миленькая и маленькая экскурсовод в военной форме. Звали её Чо Ын Чжу. Всем захотелось с ней сфотографироваться. Она перед фотокамерами старалась улыбаться, но получалось натужно. Всё-таки человек на службе. Стояла ровненько, ручки по швам, чувствовалась внутренняя концентрация. Видно, привыкла слышать от русских туристов тезисы типа: «Так это же мы войну выиграли» или «Да вы без нас никаких побед бы не добились». Впрочем, нечто подобное кто-то из наших сибиряков таки ляпнул.

– Да, Советский Союз нам помогал, – скупое и сухо ответила экскурсовод (и всё, точка! Больше ни слова, ни полслова о «наших».)

Но! Зато в роскошном парке Моран в центре города – солидный мемориал, посвящённый подвигу советских воинов, разгромивших японцев в течение нескольких дней в августе 1945 года. Мраморные лестницы, обелиск со смотровой площадкой, барельефы. А вид на город оттуда – закачаешься от красоты!

Что касается музея «Отечественной освободительной», то начало экспозиции – именины сердца для советского человека. Столько разбитой и захваченной американской военной техники я не видел даже во Вьетнаме.

Особенно впечатлил разведывательный корабль ВМС США «Пуэбло», пленённый в 1969 году. Дыра от корейского снаряда в борту, множество аппаратуры, мятая форма одежды и грубые ботинки матросов, неумытый туалет на три очка, узкие проходы и каюты... Человеку с клаустрофобией (боязнью замкнутого пространства) тут делать нечего. На корабле есть и копия письма-извинения правительства США перед КНДР за вторжение корабля «куда не надо».

В музее нам показали документальный фильм минут на 20. Преступления военщины США. На каждого жителя Пхеньяна америкосы сбросили 500 кг бомб. Фактически половину Кореи они стёрли с лица земли.

И тут я вспомнил поездку в Китай. Мы ехали на скоростном поезде по северо-востоку страны, мелькали города и сёла с разноцветными крышами. Экскурсовод позже разъяснила:

– У нас в этой части Китая живёт много корейцев. Есть даже административно-национальный округ. Там около 40 процентов корейцев. Их дома очень просто узнать. У корейцев только чёрные крыши. И никакие другие. Дело в том, что с самолёта чёрные крыши менее всего заметны. Если вдруг бомбардировка...

То есть прошло 70 лет после войны, а корейцы всё строят дома с расчётом на возможные бомбардировки. Это уже что-то в крови, национальный код.

Однако больше всего в музее «Отечественной освободительной» меня поразил зал бактериологического и химического оружия, которое применяли власти самой

«демократической» в мире страны. Мухи, комары, мыши, крысы, какие-то колбочки с микробами и прочая живность, начинённые заразой, должны были, по мнению американцев, победить «коммунистическую тиранию» и привести корейцев к светлому капиталистическому миру.

Если бы после визита в музей на выходе я наткнулся на агитпункт, где набирают добровольцев на войну с США, я бы тут же записался. Такова была сила воздействия экспозиции.

Уравновешивали мой боевой запал только два момента – полное отсутствие раздела в музее о помощи СССР и множество мелочей, касающихся лидера КНДР. Например, именно он лично научил бойцов своей армии сбивать из пулемётов американские самолёты. Так следовало из представленных экспонатов и разъяснений.

Но особо впечатлила наш экскурсовод Чо Ын Чжу следующим пассажем:

– Обратите внимание на этот стенд. Здесь перечислены все пятнадцать указаний нашего верховного главнокомандующего маршала Ким Чен Ына, которые были даны в ходе строительства и оборудования нашего музея. Все они были чётко выполнены.

Кстати, этот гигантский многоэтажный (мраморно-хрустальный) музей построили менее чем за год. У нас бы нечто подобное возводилось лет пять. И то при условии, что каждые полгода В. Путин будет инспектировать и подгонять, как при подготовке к Олимпиаде 2014-го или чемпионата мира по футболу 2018-го.

Мы покидали музей, унося в памяти мощную инсталляцию с разгромленными американцами. Их восковые, пластиковые тела в настоящих штатовских ботинках и шмотках цвета хаки клевали вороны. Одна из птиц целилась в стеклянные глаза рейнджера. Кровь и мясо были как настоящие...

Наша группа вышла на воздух из музея, как будто выбралась из котла окружения. Во дворе из кузовов грузовиков прыгивали на землю десятки солдат северо-корейской армии. Очередная экскурсия. На нас они посматривали с нескрываемой тревогой. Мы тут же почувствовали себя нехорошими империалистами.

ЗАСТОЛЬНЫЕ...

Мы ехали по городу на микроавтобусе и по обыкновению глазели в окна. На одном из перекрестков вдруг увидел настоящую советскую «стекляшку», то есть пивную со столиками а-ля «стенд-ап», то есть для стоящих. Корейцы там пили пиво.

– Мы хотим туда! С вашими мужиками пива выпить.

– Ну, зачем именно туда, – скривилась Ким. – Давайте в какую-нибудь более приличную заедем.

– Нет, – заупрямились сибиряки. – Мы именно вот в такой стекляшке хотели пива выпить с вашими обычными людьми рядом...

– Но это же многолюдная пивная. А вдруг из-за алкоголя какой-нибудь конфликт? – и Ким что-то сказала водителю.

Вскоре мы напрочь отклонились от маршрута и свернули куда-то во двор. Ничем не примечательный пхеньянский двор между многоэтажками. Там неожиданно для нас оказалась пивная, да ещё и с пивоварней – два небольших медных танка. За прилавком стояла молодая женщина, явно не готовая к визиту «проклятых империалистов» в нашем лице. За одним из столов – четверо корейцев. Глянув на нас, они быстро допили своё пиво и слиняли, недобро зыркнув в нашу сторону.

Кстати, об отношении к нам, русским туристам. Подготовленные экскурсоводы не скрывали своей симпатии. Помню, одна из девушек рассказывала о детстве и юности «солнца нации» Ким Ир Сена. Это было в национальном парке с сохранившимся домом и двором родителей вождя. Она водила нас по чистенькой нищенской усадьбе, показала колодец с ковшами из сушёной тыквы (я там попил чудесной водицы, которую, возможно, и пил юный Ким Ир Сен), подняла всю нашу группу на холм с чудесным видом на Пхеньян...

– Ой, прям, вспотела вся, – она подошла ко мне и смахнула испарину со лба. – Жарко. Да ещё и наряды... одежда у нас такая...

Она улыбнулась и заглянула мне в глаза.

– Как вам мой русский?

– Потрясающе! Вы прекрасно говорите! – вырвалось у меня.

Я был ею очарован: «Вот на таких девушках можно жениться слёту», – подумалось. Хотелось обнять и расцеловать эту

корейнку в жарковатом сверкающем (из искусственного материала) национальном костюме.

Между тем, девушка повернулась к роскошному панорамному виду на Пхеньян, на протекающую под холмом реку...

– Вот тут юный Ким Ир Сен сидел и смотрел вдаль, мечтая о борьбе с японскими захватчиками, – сказала девушка и опять повернулась ко мне, как будто и не было ещё пятерых сибириков и наших сопровождающих (Ким и Цой).

– Правда, красиво?

– Очень, – выдохнул я, и сердце у меня подпрыгнуло.

Сибиряки без всякого интереса уже брели с холма вниз...

Увы, неподготовленная корейская публика относилась к нам по-другому. Не раз и не два с балконов и просто прохожие на улице втихаря показывали нам «факи» – торчащий средний палец. Этот жест они, видимо, усвоили ещё во время войны с американцами, да так и передавали от поколения к поколению. Вот до нас и дошло...

Кстати, мужики корейцы, которых мы невольно согнали с мест в пивоварне, «факов» нам не показывали, но на их лицах просматривалось недовольство.

Мы заказали по пару бокалов пива (оно оказалось хорошим, как и бутылочное, которым нас регулярно угощали во время обедов и ужинов). А вот сушёная треска оказалась уж очень сушёной, то есть пересушенной.

В общем, пива-то мы попили, а вот корейских работяг в «стекляшке», с их оживлёнными, громкими и нетрезвыми разговорами, с жестикуляцией, так и не увидели. Жаль. Подвыпивший чужой народ – зрелище любопытное.

К слову, про застолье. Удивительно, но постоянное место для «харчевания» у нас было только одно – мы завтракали в своём отеле «Бараний рог». А вот обедали и ужинали всегда в разных кафешках. И очень милых внешне. Правда, по-азиатски много было цветов в декоре. Отчего возникало ощущение, что сидишь посреди клумбы. Причём, цветов больше было не живых и бумажных, а на картинках и обоях.

Из совершенно неожиданных вариантов обедов был один по методу самообслуживания, то есть нам с ребятами принесли спиртовки, кастрюльки и нашинкованные овощи. После этого спросили, какой основной ингредиент мы предпочитаем – курицу, утку, свинину или рыбу... Я выбрал рыбу в надежде, что она быстрее сварится (кстати, так в конце концов

и оказалось). Правда, получилась у меня не уха (которую я страстно люблю), а некий полу-суп или полу-щи с рыбой. В общем, съел с удовольствием. Обязательными были на столе также салат, рис и прочие составные обеда. Плюс обязательная бутылка хорошего пива (по одной на брата).

А ещё несколько раз мы восседали за столом, посредине которого была дыра, а в ней, чуть утопленная вглубь, круглая чугунная крышка. Как оказалось, что-то типа сковороды. Нам приносили нарубленное маленькими кусочками мясо в специях, и мы его жарили на этом чугуне, напоминающем выпуклый канализационный люк. Мясо шкварчало, издавая вкусные запахи, а мы заливали нутро пивом. После этого невольно начинаешь любить Северную Корею.

Правда, палочками я почти не пользовался – сноровки маловато, да и леса жалко, который на палочки изводят. Тем более, деревья с «женскими подвязками» частенько стояли перед глазами.

УЛИЧНЫЕ...

Чистота на улицах КНДР – хирургическая, с тротуара можно есть. Помню, захотелось мне выбросить в урну какую-то бумажку – метров 50 прошёл, пока нашёл мусорную тумбу. Пока брёл, косился на длинную (человек тридцать) очередь на автобусной остановке. Стояли корейцы дисциплинированно, один за другим, глаза в затылок переднему.

Кстати, лишь однажды, проезжая по городу в нашем «бусике», мы видели ссору двух мужиков в очереди на остановке. Они толкали друг друга, но до драки не дошло. Хотя наш автобус уже прошёл мимо. Может, за нашей спиной и помахались кулаками, как в СССР при Горбачёве в очередях.

Однако самая непонятная для нас, бывших вояк, сцена случилась на улице недалеко от универсама, куда мы дружно направлялись затариться местными товарами и промониторить «потребительскую ситуацию». Военный патруль, офицер и два солдата с красными повязками на рукавах, остановили молодого человека в гражданской одежде и стали проверять документы. Тот с готовностью, шустро полез в карманы и достал какие-то «аусвайсы».

– А чего это военный патруль к гражданскому парню пристал? – обратились мы к нашим гидам. – У нас в России

военный патруль контролирует поведение только людей в погонах, а гражданскими занимается полиция.

– Дезертиров ловят, – просто ответила Ким. – У наших патрулей глаз намётан, они «бегунов» быстро вычисляют.

– А что, у вас есть дезертиры? – удивился я (мне казалось, что в жёсткой государственной машине КНДР дезертирство немыслимо – сразу расстрел).

– Конечно, есть. Как и везде в мире, – спокойно пожала плечами Ким. – А у вас в Российской армии что, дезертиров нет?

Мои сибиряки – бывшие вояки – переглянулись и хмыкнули. Вопрос не требовал ответа...

Мимо нас прошли местные женщины с красивыми зонтиками от солнца (впрочем, и от дождя). Зонты были чрезвычайно красочны, богато размалёваны. Видно, у них культ зонтов.

Я обратил на это внимание ещё во время прогулки по одному из центральных парков. Народ отдыхал массово: несколько семей устроили пикник, маленькие дети под присмотром мам плескались в чистейшем ручье (наверное, из него можно было пить – вода чище, чем у меня дома из-под крана), женщины фланировали под зонтиками или с зонтиками в руках, белые кареты, ведомые сухонькими лошадками, увозили куда-то в тень деревьев молодожёнов... В общем, всё как и везде в мире – обычная жизнь.

Кстати, ни в одном парке, где мы бывали, не было ни одного памятника вождям, ни одного портрета, ни одного лозунга, ни одной красной тряпки! Вся наглядная агитация в КНДР основательна и ненавязчива (телевидение не в счет). Как правило, это мозаичные полотна на искусственном красивом камне. И лозунги, и портреты лидеров сделаны со вкусом. При этом нигде я не видел портретов нынешнего вождя – Ким Чин Ына – только его дед и отец из смальты глядят на своих подданных. Скромность, что ли, такая у молодого Кима? У нас, помню, Брежнева (как и Сталина в своё время) лепили куда ни попадя, не заботясь о долговечности материала и качества портретов.

Правда, были в КНДР места, где вожди фигурировали не в камне – это метро. В торце каждого вагона под потолком помещались два маленьких портрета на чём-то картонном.

А в общем-то, улицы городов в Северной Корее не загромождены торговой рекламой и дешёвой безвкусной политизацией (особенно мне надоели в былые времена наши

советские красные тряпки с лозунгами, со временем линяющие и растрёпанные). А мозаичное панно в КНДР – просто произведение искусства, особенно в метро. Лучше, чем в музеях Ватикана.

Однажды наши гиды показали нам в Пхеньяне национальный институт мозаики. Из окна «бусика» мы, правда, увидели лишь его ограду – длиннющий каменный забор, сплошь покрытый пейзажами из смальты. Это вам не грязные наши заборы с уродливым тёмным граффити! А ведь когда-то именно мы научили корейцев делать мозаику. Но затем куда всё делось.

ШОПИНГ-СТРАСТИ

Универсам не был первым корейским магазином, куда мы ходили. До этого, помнится, после пивоварни нам попался по пути валютный магазин типа нашей «Берёзки» времён развитого социализма. Но я там ничего не мог купить: написано непонятно – иероглифы. Да и среди товаров в основном косметика. Я в ней не нуждался. Правда, помощь в прочтении названий и свойств товара мне предложили наши посольские – русская пара там случайно затаривалась. Но я отказался, ассортимент не мой.

Уже в обычном универсаме я купил местные чипсы, шоколад, пиво... В общем, всякие мелочи. Посмотрел на мясо, рыбу и прочие продукты на первом этаже. На втором хотел купить обычные брюки, но пожалел денег, копил на живопись.

В универсаме продавалось всё – бытовая техника (стиралки, холодильники и т. д.) одежда, обувь, косметика. Всё, как и везде. Но с налётом советскости. Кто помнит наши магазины 1970-х годов? Тут было нечто подобное. Только некоторые товары поновей, другого дизайна (прежде всего это касается бытовой техники). А вот обувь и одежда – из нашего коммунистического далека. Однако, в любом случае, ни разрухи, ни голода, ни пустых полок, ни прочих ужасов «тоталитаризма» мы в КНДР не увидели. Даже жалко наших доморощенных западников, которые без вранья о социализме жить не могут.

Я, конечно, не потратился в универсаме, мечтая о картине настоящего «соцреализма». И вот нас привезли в картинную галерею... Можно ли быть оглушённым и даже убитым красотой? Можно. Я был оглушён, восхищён и подавлен... Каждое полотно – шедевр. Минимальная цена за холст – 5000 евро.

Одна была за 15 000. Моё сердце заняло. Меня чуть ли не под руки уводили мужики из галереи.

– Да! Вот теперь мы понимаем, чего ты искал, – вздохнул один из сибиряков. – Но цены!.. – и покачал головой.

Последний мой шанс – ларёк живописи в нашем отеле. Я давно его приметил, но не мог застать продавщицу. И в конце концов поймал. Она продавала китайцам сразу пять полотен. Китайцы сворачивали рулоны холстов (картины продавались без подрамников) живописной стороной внутрь. А это верх коллекционерской безграмотности – сворачивать полотна нужно «маслом» вверх. При этом «поднебесные» гости продолжали торговаться и приценяться к другим холстам. Я заперезживал: так они мне ничего не оставят!

Моих сбережений едва хватало на две скромных работы. Чуть-чуть не вписывался в прайс, и я стал сбивать цену. Пожилая продавщица улыбалась. У неё во рту какие-то зубы держались на медной проволоке.

Я показал все свои деньги. Женщина уступила, дай Бог ей здоровья! А всей Северной Корее – дай Бог хорошую стоматологию, без мировых санкций!

Уже в пхеньянском аэропорту, ожидая посадки в самолёт, я бродил вдоль магазинчиков с разнообразным сувенирным товаром. Мне хотелось купить футболку с силуэтом единой Кореи. Футболок разных расцветок и размеров было много, а денег у меня мало. Жаль. Именно эта идея Чучхе – по объединению страны – мне понравилась.

2. ИТАЛИЯ: ЗДРАВСТВУЙ И ПРОЩАЙ!

АЭРОПОРТ

Если бы великий итальянский режиссёр Федерико Феллини, чьим именем назван аэропорт в Римини (на побережье Адриатики), неким фантастическим образом восстал из гроба и осмотрел воздушную гавань имени себя, то умер бы повторно – от стыда.

Обшарпанное, облезлое здание аэровокзала в Римини по сравнению с новыми и модернизированными аэропортами в России выглядело настолько убого, что я почувствовал

недоброе – это только начало, понял я. И точно, неприятности пошли одна за другой.

Первое – туалет. Во всех странах мира в аэропортах очереди возникают в основном перед женскими «секторами». Но в Римини – ещё и в мужской зоне. Но это я увидел чуть позже, уже выйдя из туалета. Как опытный турист я ломанулся туда в первых рядах приземлившихся пассажиров.

В туалете было две кабинки, три раковины для мытья рук и ни одного писсуара. А на полу распласталась большая лужа. Из какой-то прогнившей трубы всё время текла вода. Это было странно (такое скромное количество санитарных объектов), учитывая уйму народа, который проходит через воздушную гавань одного из популярнейших в Европе курортов.

Я оказался в числе первых, кто прорвался в кабину. Когда вышел, внутри помещения уже человек семь стояли в очереди. Я щедро намылил руки жидким мылом и открыл кран. Воды не было. Я открыл второй. Из него тоже ничего не капнуло. Мужики в очереди хмыкнули. Когда пустым оказался и третий кран, засмеялись все.

Я стоял, растопыбив густо намыленные пальцы, чтобы не слипались, и не знал, что делать. Окунать руки в лужу на полу – дело немыслимое. Мужики в очереди сочувственно улыбались.

– Не в службу, а в дружбу, – обратился я к одному из очередников. – Достаньте, пожалуйста, из моего заднего кармана платок.

Поблагодарив за помощь, я постарался вытереть руки. До конца они не вытерлись, пальцы склеивались, было неприятно.

Выйдя из туалета, я обнаружил огромную очередь мужиков. А по соседству вытянулась такая же змея из женщин. «Ну, здравствуй, Италия».

Пока добирался до паспортного контроля (а это потребовало времени, поскольку в самолёте было больше 200 человек), надеялся, что руки подсохнут. Ничего подобного! Пришлось липкими пальцами доставать бордовую книжечку с двуглавым орлом и тем самым пачкать наиважнейший для любого человека документ.

Но это, как оказалось, не такая уж большая проблема. Вскочила вторая после туалета неприятность. Итальянский «паспортист», пролистав мой крапового цвета документ,

щедро засеянный многочисленными визами, штампами и марками неоднократных визитов в десятки стран мира, наткнулся на визу и печати Северной Кореи. Внимательно изучил, затем посмотрел на меня, ещё раз уткнулся в визу и штампы (на тот момент прошлогодние) и куда-то позвонил. Я терпеливо ждал, хотя сердце в груди как-то засуетилось. Вспомнил, что Северная Корея в Европе, кажется, признана «террористическим» государством.

Через время пришёл, видимо, старший смены, изучил мой паспорт, подумал секунд десять и «дал добро». Мой паспортист пронзил меня недовольным европейским «антитоталитарным» взглядом и клацнул штампом.

Ещё раз – здравствуй, Италия! Вздохнув с облегчением, я стал протискиваться по узким коридорам в зал прилётов. А там – теснота и столпотворение от потных человеческих тел. Размеры аэропорта не были, видимо, рассчитаны на большое количество людей. И это странно. Всё же курорт.

Впрочем, это моё впечатление – обычные эмоции русского человека, привыкшего к другим масштабам. Например, наш «курортный» аэропорт Сочи принимает в год заметно больше 11 млн пассажиров в год. А итальянский Римини редко дотягивает до одного миллиона, обычно около 800 тысяч в год. В Сочи летали самолёты 40 авиакомпаний (до НАТОвских санкций), а в Римини – 25. Вот такая прорусская цифирь. Поэтому аэрогавань в Римини и выглядит, как развалившийся убыточный колхоз в Нечерноземье.

Однако и это не все. Я попытался пробиться сквозь толпу к справочному бюро. Там, через головы возбуждённых прибывших пассажиров, что-то выкрикивала представительница турфирмы принимающей стороны. Как позже выяснилось, её звали Татьяна. Сразу повеяло Пушкиным: «Итак, она звалась...».

Услышав из её уст свою фамилию, я поднял руку.

– Все, кто прибыл, кого я назвала, – идите на улицу к жёлто-красному автобусу. Не толпитесь здесь! – громко декларировала прекрасным русским языком Татьяна (как позже выяснилось, уроженка Санкт-Петербурга).

После того, как нашёл в холле другой туалет и смог помыть руки, я вышел на стоянку перед аэровокзалом. Обошёл её, заглянул «в морду» каждому автобусу, но жёлто-красного

не обнаружил. Кто-то из «наших» пошёл обратно в холл – объясняться с Татьяной. Я примкнул к ходакам.

Татьяна отвечала раздражённо:

– Вы что – автобус найти не можете? Или жёлто-красные цвета не различаете? Идите на стоянку! Я скоро буду...

Мы поплелись обратно на улицу и стали ждать, пока Татьяна встретит всех клиентов, томившихся в туалетных очередях, и сделает отметки о прибытии в своём фирменном списке. Автобуса всё ещё не было (или уже не было).

Наконец, измученная теснотой аэровокзала и бестолковостью суетливых туристов, во двор выплыла принимающая нас Татьяна. Обошла стоянку и стала кому-то звонить. Говорила на итальянском и резко. Впрочем, как и с нами недавно.

После разговора черты лица её смягчились, и несколько извиняющимся тоном она произнесла сакраментальную для собиравшихся отдохнуть в «европейском раю» русских туристов фразу:

– К сожалению, друзья, наш водитель автобуса проголодался и уехал обедать. Будем ждать другой автобус...

«Здравствуй, Италия!» – в третий раз за день мысленно произнёс я под возмущённый гул толпы приехавших земляков-россиян. Потом гул стих, и началось томительное ожидание транспорта. Однако, спустя время, вскочила очередная неприятность.

– Опять же, к сожалению, теперь уже не получится чётко выполнить программу вашего тура, то есть посетить маленькую страну Сан-Марино, которая здесь относительно недалеко, – прочитала приговор Татьяна. – Но вы не расстраивайтесь. Наша фирма постарается сделать всё, чтобы вы посетили прекрасное карликовое государство.

«Прощай, Сан-Марино!», – выдохнул я, осматривая свои покрасневшие от ядовитого итальянского мыла руки.

ПОБЕРЕЖЬЕ

И всё же в этот первый итальянский день было кое-что хорошее. А именно – сама Татьяна. Она оказалась красивой брюнеткой бальзаковского возраста (то есть около 30 лет). На русском говорила безупречно и, подозреваю, точно так же на итальянском. Несмотря на резкость её речей,

«принимаящая сторона» вызывала во мне ещё и чисто «мужской интерес».

До этой осени 2019 года я никогда не был в Италии, хотя к тому моменту посетил более 30 стран. Где-то служил офицером, куда-то заглядывал как турист. Большинство моих знакомых этому удивлялись. Во-первых, потому что уже съездили в Италию (некоторые даже не единожды) и были в восторге. Во-вторых, Италия по разным данным – самая посещаемая туристами страна в мире. И в-третьих, моя давняя приятельница много лет работала в туристической фирме, которая занималась только Италией и ещё немножко Лазурным берегом Франции.

Парадокс, но когда она начинала говорить об Италии, у меня почему-то пропадало желание туда ехать. То ли она так неумело рассказывала (хотя других клиентов с успехом туда заманивала), то ли, видимо, у меня срабатывала интуиция...

Было, правда, ещё более сильное предчувствие – надо ехать. Причём, чем раньше, тем лучше. И «чуйка» меня не обманула, как оказалось позже. Потому что грянул COVID, затем на работе навалились крупные неприятности, а следом и спецоперация на Украине. Европа сначала закрыла для русских небо, а вскоре и «шенген». *Finita turismo!* Но я успел прошмыгнуть в Италию осенью 2019-го.

Итак, сентябрь оканчивался, 27 число, но солнышко ещё грело. Было около 19 градусов. Конечно, не так комфортно, как в моём Ростове-на-Дону. У нас, как обычно в это время, +26 по Цельсию. Ростовчане ещё ходили в шортах и майках. А в Италии я уже надел ветровку. Тем не менее, жила надежда, что успею искупаться в Адриатическом море, овеянном исторической славой.

...Прибывший в конце концов другой (не жёлто-красный) автобус долго петлял по тесным приморским городкам, пока выгрузил нас у четырёхзвездного отеля. Солнце уже клонилось к закату. После уплаты курортного сбора все наши записали пароль Wi-Fi и разбрелись по номерам. Я отзваниваться «своим» не собирался – торопился успеть окунуться в Адриатику. Бросил вещи, переоделся, взял необходимые для пляжа шмотки и спустился вниз. А там – опять толпа в холле. Оказалось, в номерах вай-фай не ловит. Все теперь надеялись зацепиться за него в холле возле рецепшена. Но и тут Wi-Fi не было.

Отметив наличие очередной итальянской проблемы, я побежал к воде мимо стоящей на тротуаре Татьяны. Та опять громко провозглашала, чтобы побольше народу услышало:

– Дорогие друзья, идите к соседнему отелю, зелёнькому, там хороший вай-фай. Внутри отеля вас, конечно, не пустят. Но если встать возле юго-западной стены, то можно зацепиться за связь.

Я же торопился зацепиться за остатки пляжного сезона. Стало уже понятно, что Римини – это не избалованный теплом Ростов, тут не согреешься. Солнце закатывалось куда-то за итальянские холмы, и на Адриатике становилось прохладненько.

На широком пляже с серым грязноватым песком раздеться и оставить вещи было негде. Однако на перевернутой лодке сидела парочка молодых людей (как оказалось, гастарбайтеры с Украины), возле них я и оставил свою одежду.

Мутно-зелёная вода нашей бухты, похожая на заболоченный пруд в посёлке, где я родился и вырос, ещё не успела остыть, и я, преодолевая брезгливость, бросился в неё с головой. Доплыл до какой-то груды осклизлых камней и взобрался наверх. При этом слегка порезал ногу и опять прыгнул в воду. Всё. Ритуал купания состоялся. Хотя бы этот пункт личной программы я выполнил – омыл свои чресла в знаменитом море.

Правда, потом еле нашёл место, где можно было помыть ноги, чтобы обуться и не тащить песок в свой четырёхзвёздный отель, лишённый вай-фая.

Отдельное спасибо украинцам, что вещи не украли. Это потом я выяснил, что они, да ещё понаехавшие в Италию румыны – любители чужого добра, и с ними надо держать ухо востро.

Вечером в холле нашего отеля усталая Татьяна, не скрывая правды, громогласно высказалась:

– Что вы хотите от этих итальянцев? У них интернет только по подвальным клубам раздавали, когда у нас в Питере он был уже даже в метро! Во многих вопросах они сзади нас, русских, на два, а то и на три шага...

В тот вечер я не стал бегать по побережью и ловить вай-фай возле каких-то юго-западных стен чужих зелёньких отелей. «Чёрт с ней, со связью», – решил я.

РИМСКИЕ ПОМИДОРЫ

Я намеренно ничего не говорю о красотах Италии вообще и Рима в частности. О них и без меня рассказано много, подробно и профессионально. И я не намерен соревноваться с другими рассказчиками в описании архитектурных и живописно-скульптурных прелестях Апеннинского полуострова-сапога. Поэтому тот, кто надеется найти здесь нечто вроде рекламного путеводителя, попали не по адресу. «Я – не ваш автор. Обращайтесь к другим источникам».

Итак, в Риме я жил три дня в отеле в относительном центре города – около вокзала «Термини». Название ему дали древнеримские термы, которые здесь располагались ещё в дохристианские времена. И конечно, рядом с вокзалом притаился среднего размера продовольственный (сетевой) магазин, куда я занывал каждый день, чтоб купить снеди для ужина.

Я люблю ужинать в номере, под телевизор, с пивом, беря еду руками и порой облизывая жирные пальцы (пардон!), чего в ресторане (траттории) не сделаешь, как бы сильно ни хотелось. Приходится соблюдать политес, чтобы не портить другим людям аппетит.

В общем, в первый же вечер я купил в магазине кусок курицы-гриль, ломоть пиццы (вместо хлеба) и двинулся за помидорами.

О, эти знаменитые итальянские помидоры! Моя кума Галина проработала в Италии лет десять. «Старикам ж..ы мыла», – так рассказывала о своём итальянском периоде кума, имевшая два высших образования и владевшая четырьмя языками. Она часто говорила о прелести итальянских «томато» и «томатино».

Неудивительно, что я набрал в небольшой полиэтиленовый пакет разрекламированных кумой помидоров и положил их на электронные весы. Нажал кнопку с изображением «томато». Весы не работали. Тогда я выбрал номер продукта и снова нажал кнопки на весах. Как делал это много раз в своём Ростове-на-Дону. Увы, весы не реагировали.

– Да что за чёрт! – ругнулся я вслух.

И две девушки, проходившие мимо, оглянулись на меня и на чистом русском языке обронили:

– Эти весы вообще не работают.

«Ладно, – подумал я, – возьму уже взвешенные». И взял. Пластиковые лоточки с набором красивых на вид помидоров (обычно 3–4 штуки) уже имели ценники.

Дома, то есть в номере отеля, за ужином я пытался обнаружить у прославленного кумой продукта хоть какой-то вкус. Вкуса у помидоров не было. Никакого. Одна радость – в них был некий сок, что помогало протолкнуть внутрь организма пересоший кусок курицы-гриль.

На следующий вечер я опять двинулся в сторону «Термини» в знакомый магазин. Весы всё ещё не работали. И я опять взял помидоры фасованные, с ценником. Но другого сорта, отличавшиеся внешне от вчерашних.

В номере я разрезал первый помидор и ахнул. Красный внешне, внутри он был наполовину ядовито-зелёного цвета. Я опять вспомнил свою куму Галку – уроженку «страны вечно-зелёных помидоров» (по выражению Жванецкого – известного критикана всего русского).

На вкус вторая партия помидоров оказалась ещё хуже первой. Один помидор я решил сохранить, привезти в Ростов и показать своей приятельнице, которая руководила южно-российским филиалом итальянской турфирмы.

И всё же я не мог смириться с мыслью, что моя кума ничего не понимает в помидорах. Несмотря на два высших образования и четыре языка, она была прекрасной хозяйкой и изобретательно, вкусно готовила. Из-за этого её муж (и по совместительству мой кум) весил больше 100 кг.

Короче говоря, на третий римский вечер я снова попёрся в магазин возле «Термини», убедился, что весы как не работали, так и не работают, и опять купил фасованных помидоров. В номере отеля разрезал два. Внутри они были красные, а не зелёные, но вкуса не имели точно так же, как представители первых двух «партий».

Вернее, вкус у них был. И я вспомнил, какой именно. Так, однажды зимой в Ростове-на-Дону (соскучившись по свежим овощам) я купил в сетевом магазине несколько красивых помидоров. Написано было, что они азербайджанские, хотя все у нас знают, что помидоры – турецкие. У турок с азербайджанцами свои экономические схемы, на которые мы, русские, почему-то не обращаем серьёзного внимания. А надо бы обратить.

Помню, однажды в Турции нашей группе туристов попался хороший парень-гид. Он говорил искренне, и мы ему верили.

– Я вообще не понимаю, почему мы, турки, состоим в таких тесных союзнических отношениях с Америкой. Далёкая, чужая для нас страна. Ей плевать на турецкие интересы, у них своя политика, – рассказывал он, пока микроавтобус вёз нас в городок с церковью, где служил Николай Мирликийский (наш Николай Чудотворец). – Мы с Россией должны быть союзниками. Русские – наши соседи. Культура схожа – у вас многие ислам исповедуют...

И тут автобус выехал промеж холмов в гигантскую долину. Она вся сверкала на солнце пластиковыми крышами теплиц. Многие гектары полиэтиленовых конструкций.

– А вот, кстати, гляньте вокруг! – гид обвёл рукой видимое пространство, отражающее рукотворными полимерами солнечные лучи. – Это плантации помидоров для России. «Наши» такое не едят...

«Неужели турки и Италию своими пластмассовыми помидорами завалили?» – подумал я в римском отеле перед тарелкой с безвкусными томатами.

Спустя время, уже будучи в России, я позвонил куме и рассказал про помидоры из «Термини».

– Ты не понял, – засмеялась кума. – Я хвалила те помидоры, которые ела на Сицилии. Я туда своих подопечных стариков на зимовку вывозила с севера Италии. Вот там местные помидоры («хозяйские») были хороши. А на материке просто места знать надо, где и у кого брать. Как, впрочем, и в России...

Когда я «разобрался» с кумой, настал черёд моей приятельницы из итальянской турфирмы. Я привёз ей римский красно-зелёный помидор и рассказал всё, что я про него думаю.

– О! – округлила глаза подруга. – А ты что, не знал, что в Италии овощи говняные?.. Наш представитель в Риме (Федерико), когда я обычно по работе собираюсь туда ехать, всегда просит привезти ему ростовских помидор...

Вот талант у бабы! Десять лет рулит итальянской фирмой, десять лет дружит со мной и умудряется ничего толком не рассказать о стране близкому человеку, который туда планировал ехать. Ну, не зараза?!

ЧУЖИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Кстати, о Федерико – руководителе итальянского подразделения русско-итальянской турфирмы, чей филиал был и в Ростове-на-Дону. Он любил не только донские помидоры, но и русских женщин. Сколько он их «перетоптал» на Юге России, когда приезжал с рабочими визитами, – об этом по турагентствам ходят легенды.

Причём, романы он крутил без пошлости и европейского высокомерия. Россию и русских он любил искренне. А началось всё у Федерико ещё в отроческий период.

Дело в том, что его отец был высокопоставленным военным и одно время даже представлял итальянские вооружённые силы в Вашингтоне, в тамошнем штабе НАТО. Короче, «шишка» в погонах.

И вот однажды, как рассказывал Федерико, когда отец с семьёй уже вернулся в Италию, он строго сказал сыну:

– Сегодня вечером идём на концерт. Но об этом не должна знать ни одна живая душа из твоих друзей и знакомых. Это секретная миссия.

12-летний Федерико кивнул головой и наполнился духом шпионской интриги. Однако то, что случилось вечером, приключением назвать нельзя. И всё же у юноши случился «взрыв мозга».

– Я был внутренне опрокинут, раздавлен, а затем вознесён к небесам, – эмоционально, по-итальянски вспоминал Федерико. – Это были гастроли русского балета Игоря Моисеева: танцы народов мира. Публика даже не ревела – она стонала от восторга. Это был какой-то коллективный зрительский оргазм. Русские делали с нами всё, что хотели. Хотели, чтобы мы плакали – мы плакали, хотели, чтобы смеялись – мы смеялись...

С той поры Федерико внутренне стал русским. Так он сам говорил. Ансамбль Моисеева сделал его русским. А ростовские помидоры новое «гражданство» закрепили. И не только помидоры.

– А зачем же отец такую секретность устроил перед походом на концерт? – спросила у Федерико моя подруга.

– Ну, как? Ты что, не понимаешь? – отвечал на русском языке римлянин (изучивший «великий и могучий» после гастролей балета Игоря Моисеева). – А «железный занавес»?

Военнослужащим стран НАТО строжайше запрещено посещать всякое мероприятие, где участвуют русские. Будь то балет, концерт, вернисаж и т. д. В 24 часа вылетел бы из армии, без пенсии и выходного пособия.

– ???! – у моей приятельницы не было слов, только глаза навывкате.

Нечто похожее вспоминала и моя кума Галка. В какой-то период она работала в богатой семье потомственных нотариусов. Жили они в именной вилле, где стены были покрыты многовековыми фресками, а полы – мозаикой чуть ли не помпейского возраста. Без разрешения министерства культуры Италии хозяева не имели права не только ремонт делать (даже мелкий косметический), но и картины местами менять. Гвоздя не вбить без разрешения «культурного» чиновника.

– В общем, я жила, словно в галерее Уффици, – говорила кума.

К слову, здесь я вынужден отклониться от основной темы из-за упомянутой галереи. Она запомнилась мне потрясающе идиотским аудио-гидом.

– В этом зале находятся картины великого итальянского художника Сандро Боттичелли, – сообщал мне женский голос.

И больше ничего! Но я и так вижу, что это картины Боттичелли! Тем более, таблички с надписями есть. И так во всех залах флорентийского музея!

Кроме прочего, я давно уже коллекционирую живопись, и при всех своих скромных провинциальных (прежде всего финансовых) возможностях кое-что в картинах соображаю. Мне и табличек возле полотен не надо. Я же приобрел аудио-гид (за деньги!) для чего-то большего. Увы, навигатор в автомобилях – академик по сравнению с безмозглым флорентийским галерейным «экскурсоводом»...

Однако вернусь на именную виллу клана нотариусов (фактически – средней руки музей), где квартировала и трудилась моя кума, и где тоже нужен гид, чтобы оценить красоты дома. Итак.

Однажды, когда вся огромная семья нотариусов сидела за гигантским столом и ужинала (Галка столовалась с хозяевами почти на равных – демократия), по телевизору сообщили, что умер замечательный актёр Нино Манфреди.

– Господи, какой ужас! – вскрикнула моя темпераментная кума, с места которой был виден экран телевизора, и,

несмотря на минимальный звук (чтоб телевизор не мешал семейному общению), Галка поняла, что именно произошло.

– Что там такое? – властно повернула седую голову матрона – царица семейства (у итальянцев, как известно, культ матери).

– Нино Манфреди умер, – ответила кума.

– А вы что, знаете, кто такой Нино Манфреди? – удивилась матрона.

– Ну, конечно, – в свою очередь удивилась вопросу Галка. – Герой фильмов «Хлеб и шоколад», «Операция святой Январий», других картин. Мы его любили.

– То есть у вас в Советском Союзе показывали эти фильмы? – не ослабляла натиска матрона.

И все семейство вперило взгляды в Галку, гастарбайтершу с Украины, которую они хоть и сажали с собой за стол, но за полноценного человека, конечно, не считали.

– А как же! – развернула плечи бывшая учительница русского языка и литературы на Украине и польского языка и литературы в Польше.

Короче говоря, не вставая с места, Галка выдала итальянским нотариусам короткую лекцию об их отечественном кино и посоветовала посмотреть в интернете советские фильмы. А ещё – совместные картины. Например, «Подсолнухи» с Софи Лорен и Мастрояни, «Очи чёрные» Никиты Михалкова (опять же с Мастрояни), «Приключения итальянцев в России» (Рязановский фильм), ещё что-то.

После Галкиного эмоционального и советско-патриотического спича за столом повисла тишина. Ни одна ложка-вилка не звякнула. Ждали, что скажет матрона. И матрона, обведя своё семейство мудрым взглядом, сказала:

– Вот видите. Русские знают и любят итальянскую культуру. А мы об их культуре понятия не имеем. Они о нас знают всё. А мы о них не знаем ничего. Ну, и кто из нас был «за железным занавесом»?..

Немая сцена. И занавес (не железный)!

В КАКОМ ВИНЕ ИСТИНА?

Обедали на ферме в Тоскане. Это знаменитая провинция. Там и Пиза с падающей башней, и Сиена с конными забегами по кругу, и Флоренция с необъятными сокровищами,

и побережье Тирренского моря. И виноградники с лозой автохтонного сорта Санджовезе, из которого делают раскрученное явной и скрытой рекламой итальянское вино Кьянти.

Правда, при производстве допускается и купаж. Но всё равно сорт Санджовезе должен составлять не менее 80 процентов. Это если вести речь о подлинном Кьянти, а не о разбодяженном, а тем более палёном, которое для России делается в Грузии, Абхазии и Молдове.

Итак, ферма в Тоскане. Небольшая винодельня. В гостевом домике – длинные, человек на 12, столы и такие же сельские скамейки. Если кто-то уже сидит, занимать своё место надо, задирая ноги, и туфлями цепляя гостей за соседними столами. Хрен вылезешь, если закончил трапезничать раньше других и решил выбраться из тесноты на воздух.

Я откупорил бутылку – и на правах мужчины, и по привычке. Ничего крепче 18 градусов я не пью со времён второй чеченской войны – только вино. Тем более, ставший родным для меня Донской регион богат на лозу и вина.

Налил себе чуть-чуть (для пробы) и соседке напротив. Пригубил. Вино оказалось порченным. Видно, хватануло воздуха в своё время и начало бродить. Я жестом подозвал хозяина фермы. Он ходил по залу (вернее, по тем свободным от столов и людей местам, где можно ходить). Фермер был пожилым субтильным человеком, ссутулившимся, высохшим от труда и рыночно-бытовых переживаний.

Протиснувшись между скамейками поближе ко мне, одним только взглядом поинтересовался, в чём дело. Я дал понять, что вино порченное и попросил заменить бутылку. Он кивнул головой и убрал со стола забракованное мною вино. Рука у фермера была сухой и тёмной от работы, а суставы пальцев распухли от артрита. Ветка старой акации, а не рука. Она вскоре ещё раз мелькнула над нашим столом, когда хозяин поставил перед нами новую бутылку.

Он мне улыбнулся. И в выцветших глазах сверкнуло что-то хитренькое. Видно, по пути в закрома нюхнул (а то и лизнул) забракованное вино и понял, что попал на знатока. Впрочем, хвастать не стану – наверное, любой человек с нормальными рецепторами уловил бы вкус «порчи».

А чтобы не выглядеть в глазах читателя придирой и капризником, скажу, что сам обед был неплохим. Правда, ничем

не запомнился. Даже на следующий день я не мог вспомнить – что же именно я там ел?

После того, как я выбрался из-за стола, высоко задирая ноги и извиняясь за толкотню перед соседями, стал во дворе рассматривать клетки с фермерскими курами и индюками. Тут-то меня и настигла туристка из нашей группы – крашеная в блонд пышная москвичка, «слегка за 50».

– Что за скандал вы там устроили за столом? – без злобы, но и без улыбки поинтересовалась она.

– Скандал?.. Всего лишь попросил хозяина заменить вино. Оно было порченным.

– А вы такой сильный знаток итальянского вина? – в вопросе была ирония.

– Итальянского, конечно, нет, – начал я отбиваться. – Но в вине кое-что соображаю. Я ведь из Ростова-на-Дону...

Между тем, услышав наш «разбор полетов», наевшиеся туристы стали наматывать круги вокруг нас и прислушиваться к разговору.

– Так вот, – продолжил я, – впервые вблизи увидев москвичку (наверное, минут 40 по утрам тратит на нанесение основных черт лица).

– Мы с вами уже пятый день в Италии (1 октября) и ни разу курток не снимали. Здесь то 16, то 17, максимум 18 градусов тепла. А в Ростове сейчас +26. Угадайте с трёх раз, где виноградная лоза больше солнца и сахара наберёт – в Тоскане или у нас на Дону?..

Моя собеседница растерялась. Потому что, во-первых, сравнение регионов её озадачило, она не предполагала, что климат на юге России зачастую более «винодельный», чем на Апеннинах. А во-вторых, наши туристы, «крахмалившие уши» вокруг, начали хихикать. Явно в мою поддержку. Эти смешки и решили исход «дуэли».

Я не успел рассказать очаровательной москвичке (которая, признаюсь, была очень сексуальной. И почему я раньше этого не замечал?) о любопытных разговорах наших фронтовиков, которых лет 20 назад было ещё немало, и ветеранов германского вермахта, воевавших на юге России в 1941–1943 годах.

Мне деды рассказывали, что немцы, встречи с которыми одно время (спустя полвека после нашей Победы) стали даже регулярными, спрашивали у наших ветеранов – существует ли ещё Цимлянский винзавод? У них в 1941-м на боевых картах

виноградные угодья на Дону были обозначены как районы, куда не должна упасть ни одна бомба, ни один танк не мог въехать в виноградники Цимлы. Так оккупанты заботились о нашей лозе «премиум класса».

«Боже, какое там было прекрасное вино!», – клацали вставными челюстями ветераны вермахта, успевшие испробовать вина почти всей покорённой Европы. «Лучше, чем во Франции», – добавляли особо влюблённые в русское вино немцы.

Впрочем, что удивляться. Ведь одна из версий появления на Дону хорошей лозы – такая. После того, как русские взяли Париж в 1814 году, а затем квартировали какое-то время во Франции, донские казаки распробовали местные вина и решили привезти домой лозу после деокупации чужой страны. Казаки – это ведь по сути крестьяне, земледельцы, правда, умеющие воевать ещё лучше, чем возделывать поля.

В общем, возвращаясь в Россию, они в качестве трофеев повезли домой не посуду, духи и шмотьё, а лозу. Но мало того, один из атаманов сообразил, что виноград не даст эффекта и погибнет, если его станут выращивать в микроскопических дозах по огородам. Его дикие сорта задушат. Например, та же мощная и сильная Изабелла – сорт дикий и сорный, завезенный из Америки, как и многие другие мерзости, попавшие в Россию из-за океана.

Короче говоря, атаман у кого-то из казаков выкупил, у кого-то выпросил, а у кого-то и силой власти отнял лозу. Затем по уму рассортировал и массово высадил в районе Цимлянска. И со временем она, бывшая когда-то французской, набралась соков донской земли и стала автохтонной (растущей только в данной местности). Сортов получилось несколько. И все хороши по-своему. По крайней мере, гитлеровцы, безжалостно громя и сжигая всё на своём пути по России, виноградники на Дону планировали сохранить. Расчётливый народ (по крайней мере, раньше был).

Кстати, о французской лозе. Помню, на одной из виноделен в Испании старый крестьянин спросил у меня, туриста:

– Почему вы, русские, так любите французское вино? Какое там может быть вино? Это же северная страна!..

Действительно, подумал я тогда: для испанцев Франция – как для нас Финляндия. Ну, какое может быть вино у финнов?!

...Покидая винодельню в Тоскане, я всё же купил одну бутылку Кьянти. Выпили мы её с друзьями уже в Ростове. Ничем

вкус не запомнился. Как и обед на винодельне. В памяти остались только корявые натруженные руки фермера и его добрые выцветшие глаза. Хороший дядька, дай Бог ему здоровья! Хоть и развёл русских туристов на покупку своих относительно недорогих и не очень хороших вин.

Я простил ему крестьянские мелкие хитрости. В отличие от греков с Крита, которые итальянцев люто ненавидят. Во-первых, за жестокость генуэзцев и венецианцев, которые столетиями владели островом. Смутьянам-грекам, которые противились их оккупации, они отрубали ноги. Такая итальянская традиция. Без ног человек воевать не станет, зато с руками может трудиться и приносить пользу Генуе и Венеции. Это мне (как и другим русским туристам) рассказал наш критский гид Андреас – родной племянник партизана, награждённого советским боевым орденом за борьбу с фашизмом.

– Я очень горжусь дядей, – говорил Андреас. – Он ушёл в горы в 1941-м, при немцах, а вернулся в родное село в 1974-м, когда потерпела крах греческая «хунта чёрных полковников». Его сразу пригласили в Москву и наградили. 33 года с фашизмом воевал...

Именно Андреас рассказал мне о масштабном жульничестве итальянцев. Они, дескать, в Евросоюзе «пробили» такие законы, по которым ни наше критское вино, ни наши оливки на европейский рынок свободно попасть не могут.

– Критское оливковое масло вы можете купить только на Крите. И больше нигде, – говорил Андреас, хозяин 43-х оливковых деревьев. – Итальянцы скупают наши оливки, добавляют к ним свои плохие (то есть, делают купаж) и затем продают везде как итальянские. Не найдёте вы в Европе и критского вина...

Я ещё на ферме в Тоскане вспомнил, кстати, одну винодельню на Крите. Вино там было, как смола. Качнул его в бокале – по стенкам не потекло, а поползло. Мощное вино. И цена – от 10 до 15 евро. Я купил три бутылки. Вкус до сих пор помню, аж слюна течет. Не то что жидкое Кьянти, приобретённое мною исключительно из-за автохтонности Санджовезе.

Итальянские оливки (после трёх поездок на Крит и гневных речей Андреаса) я на Апеннингах не покупал принципиально.

ПТИЧИЙ ДВОР

Во дворе моего дома в Ростове-на-Дону женщина из соседнего подъезда постоянно кормит голубей. В том месте, где она устроила им пункт питания, раньше был зелёный сквер. Теперь же – чёрная земля, отравленная кислотой птичьего помета. А вокруг – дома квартала, который построили пленные немцы ещё при Сталине, в 1950–1952 годах.

Не знаю, как давно у нас расплодилось столько голубей, но на чердаке, в том числе и над моей квартирой (я живу на верхнем, пятом этаже), как подсчитала моя соседка Тамара, сейчас около пяти тонн голубиных экскрементов.

Лето в Ростове обычно длится с мая по сентябрь включительно, то есть пять месяцев. И очень жарко. Голубиное дерьмо под крышей в жару плавится, и дышать становится трудно. А кроме того, та дама, что из соседнего подъезда (птицелюбивая), наш внутриквартальный скверик превратила в помойку. От ядовитого голубиного помёта, как известно, лет семь трава не растёт. Поэтому земля в скверике не только стала чёрной, но ещё и заставленной пластиковыми баночками и коробочками для воды голубям. Там же и остатки еды, то есть помои.

Мне жаль загубленную зелень скверика, да и дышать помётом птиц, живущих у нас на крыше, надоело. И я периодически ругаюсь с птицелюбивой женщиной. Говорю, например, что французы называют городских голубей «летающими крысами» и т. п. Но моя борьба за чистоту двора и воздуха успехом не увенчалась. Голубей и отходов их (и соседки) жизнедеятельности всё больше.

Однако такая ситуация – не только в моём дворе, но и на центральной Соборной площади Ростова. Сердобольные старушки ради заботы о птичках выливают к подножию памятника святителю Димитрию-Ростовскому остатки своих супов и борщей. Эта помойка живёт и множится, несмотря на просьбы местных иерархов церкви, на плакаты с призывом блюсти чистоту и т. п. В общем, текут по клобуку и лицу святителя бело-зелёные фекальные массы голубей – якобы символов мира.

Это я к тому, что глядя на фильмы и фотографии центральной площади Венеции, Сан-Марко, я всегда обращал внимание на тучи голубей. У меня было ощущение, что птиц там больше, чем гнуса в Сибирской тайге. Казалось, они даже в рот должны залетать людям при разговоре.

Кстати, и муж моей сестры как-то рассказывал, что ему в Венеции голуби загадили классную куртку.

И вот я оказался на площади Сан-Марко. Приготовился к атаке голубиных полчищ подобно налёту саранчи... а пернатых нет. Ну, не совсем, конечно. Я не поленился и стал добросовестно считать, сколько птиц на известном всему миру центральном «пяточке» города. Насчитал всего дюжину, то есть только 12 штук, как красногвардейцев в поэме Блока. А туристов здесь по статистике от 20 до 30 миллионов в год. Теперь уже не птицы за туристами, а туристы за птицами охотились, чтобы сфотографироваться. У всех ведь в головах жил стереотип о Венеции, переполненной голубями. Раз оказался на Сан-Марко, будь добр запечатлеть себя с местными пернатыми хозяевами города.

В общем, туристов толпы, а голубей на всех не хватает. Тем более, что какая-то темнокожая американка лет 40, в розовой футболке начала выпендриваться. Стала посреди площади, развела руки в стороны, подобно Иисусу на кресте... и все 12 голубей уселись ей на плечи и красивые шоколадные руки. Ясно, что все туристы сбегались фотографировать этот феномен. Я тоже «сбежался». Уж больно хороша была мулатка. Ну, есть такие уникамы. Мне повезло лично в этом убедиться.

А вот на меня птицы не садятся. И даже с высоты не гадят. Нет надежды разбогатеть.

«Что же случилось с Венецией, – думал я позже, – как голубей вывели?». Стал рыться в интернете и выяснил, что каждый житель города (кроме детей, конечно) с недавнего времени платит ежегодный налог на борьбу с птицами и их ядовитым пометом – 275 евро. Штраф туристам за кормление голубей – 500 евро. Запретили продавать и корм для птиц.

Началась эта «антипернатая» кампания в 2008 году. На ту пору в центре Венеции обитало, по подсчетам орнитологов, 40 тысяч птиц. А на площади Сан-Марко – 20 тысяч. И вот в течение около семи лет птичья колония здесь сократилась в 20 раз – до одной тысячи особей. А когда я приехал в город, осталось и того меньше. Я насчитал дюжину. Ещё несколько десятков, наверное, на крышах сидели.

Короче говоря, Венецию я увидел не заваленную помётом, а чистенькую. И дышать можно было – без риска заглотив внутрь себя пух и перья. Эх, знала бы это наша ростовская

тётка из соседнего подъезда! Была бы у нас во дворе своя новая «Венеция».

На этом кончается первая экологически-экономическая часть «марлезонского балета», и я перехожу ко второй.

«МОИСЕЙ» УТОНУЛ В ВЕНЕЦИИ

Уже несколько лет по телевизору я с интересом наблюдал за строительством в Венеции системы «Моисей» (Moses), которая по плану должна была защитить город от губительных наводнений. Репортажи со стройплощадок и мультфильмы о работе механизмов защитных сооружений транслировали National geographic, Discovery и другие телеканалы. Я смотрел, иногда даже открыв рот.

Началось строительство «Моисея» ещё в 2003 году. Хотя идея – спасти город («сокровищницу мировой цивилизации») от погружения в пучину вод – вынашивалась ещё с 1970-х. Кстати, ярым её сторонником был легендарный итальянский политик Сильвио Берлускони. Против проекта (который победил многочисленных конкурентов в гонке за тэндером) стали бороться «зелёные» и ещё ряд общественных организаций. Проект финансировался преимущественно из государственной казны, планировали потратить около пяти миллиардов евро.

Предполагалось, что вокруг Венеции соорудят 79 шлюзов, в каждом из которых будет покоиться на дне бетонный короб с поднимающимся щитом длиной 29 метров – для защиты от морской волны. Короче говоря, по телевизору всё выглядело мощно и красиво. Я очаровался.

В 2010 году мэром Венеции стал Джорджио Орсоли, убеждённый сторонник «Моисея». Он даже ездил за опытом в Санкт-Петербург, чья защитная (от наводнений) система высоко ценится в мире. Приглашал в Венецию тогдашнего главу города Георгия Полтавченко, чтобы похвастаться строительством итальянского варианта сбережения «жемчужины Адриатики». Венеция и Питер тогда даже стали городами-побратимами. Это случилось летом 2013-го. А через год мэра Дж. Орсоли арестовали.

Вместе с ним были задержаны: Ренато Чиссо – руководитель отдела городской инфраструктуры мэрии, Жанкарло Галан – бывший губернатор региона Венето (с центром

в Венеции), он же – министр сельского хозяйства в правительстве Берлускони, некто Киссо – региональный (в Венето) представитель министерства инфраструктуры Италии... В общем, по уголовному делу значатся 34 человека.

По данным итальянской прокуратуры, руководители подрядных организаций (прежде всего компании «Мантовани») признались, что раздали на взятки разным чиновникам 20 миллионов евро, чтобы примазаться к строительству «Моисея». А о скольких взятках умолчали?.. Однако, несмотря на коррупционный скандал, строительство защитной системы продолжалось.

Я катался на гондоле по городским каналам и верил, что ещё вернусь сюда полюбоваться красотами, и внуки мои их увидят, и правнуки. И театр, в котором актрисой служила мать Казановы, и дом, где жил Моцарт, и... В общем, я был полон оптимизма – «Моисей» сохранит для потомков «жемчужину Адриатики». Я знал, что итальянские чиновники проворовались и попались. Но город-то уже защищён от стихий, думал я. Да, потратили на строительство семь миллиардов, а не пять, как планировали. Ну и что? Так часто бывает при реализации больших проектов. Да, строили не десять лет, как хотели, а 16. Но ведь сделали, и по телевизору почти весь медийный мир это нам показал...

Через три недели после моего отъезда из Венеции город залило так, как не заливало уже 60 лет! Это была культурно-экологическая катастрофа – пропадение пропадом. Правда, всемирно раскрученные телеканалы нам этого не показали.

Итальянцы и проворовались, и дела не сделали. «Моисей» сгинул в бездне вод. А вместе с ним и мои надежды на то, что внуки и правнуки увидят Венецию такой, какой видел её я осенью 2019-го. Тем более, что через полгода на Италию навалился ковид, и страна нырнула в другую пучину – смертельной эпидемии. Мор пошёл такой, что россиянам и не снилось.

Наше Министерство обороны для спасения итальянцев послало на Апеннины батальон радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ). Как верно заметила наш гид Татьяна, у технологически заторможенных итальянцев подобных структур нет. Но дело даже не в научно-техническом уровне.

– Помню, я только родила здесь, в Италии. Первый день, кормление, – вспоминала Татьяна. – И вдруг вваливается в палату вся родня мужа, весь колхоз, человек пятнадцать.

Без бахил, без халатов, с невымытыми руками! И давай меня с ребёнком тискать да жмакать. Как вспомню, до сих пор мурашки по коже от ужаса и омерзения...

Немудрено, что их так мощно ковид стал косить. И русские «химики» генерала Игоря Кириллова в который уже раз стали спасать итальянцев. Как в своё время их спасали моряки Ушакова, солдаты Суворова...

«Не надо было этого делать, – подумал я, – не оценят». И точно. Как когда-то отец Федерико, итальянцы (некоторые внутренне даже симпатизируя нам) стали активно поддерживать украинцев в войне против русских. Они «играют за другую команду».

Но главное не это. Главное то, что они остаются за «железным занавесом» до сих пор, как выразилась матрона из именной виллы, где работала моя кума. Мы, русские, не только знаем о них всё, мы ещё и любим их по-своему. А они, итальянцы (и не только итальянцы), не только не знают о нас ничего, но и знать не хотят. И так будет всегда. А жаль.

Прощай, Италия!

Владивосток – Пхеньян – Рим – Ростов-на-Дону